

these parties and movements, are generally reduced to finding of bigger degree of a political autonomy by England in the United Kingdom. British are revolted with that fact that in spite of the fact that Scotland, at last, received the parliament, and Wales and Northern Ireland – assemblies, devolyutsionny tendencies don't concern distressful England.

Therefore it seems too hasty from government of the country to see only political background in similar desire. On the contrary, in the light of that crisis of identity which captured the United Kingdom at the end of XX – the beginning of the XXI centuries, this fact can't but please. It is the certificate of rather that in England the new stage of revival of the English national and cultural identity which is based on love to the country and patriotic feelings begins.

identity, nationalism, political party, devolyution

Key words: identity, nationalism, political party, devolyution

2. Истоки, становление и трансформация национальных идей

Е.С. Соколова

Доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ МИФ О «ЗАПАДНОЙ АГРЕССИИ» КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ 1-й четверти XVIII в.

Одним из наиболее распространенных способов формирования коллективной исторической памяти является вечная тяга любого народа к легитимации более или менее эффективной мифологемы, способной утвердить в сознании большинства устойчивое представление об исключительности социокультурного и политико-правового пространства, в границах которого разворачиваются наиболее знаковые события национальной истории. В исторической науке последнего десятилетия справедливо отмечается наличие архетипа «русского варварства», свойственного представлениям образованного европейца XVII – первой половины XIX вв. с его идеализацией гуманистических постулатов теории естественного права. Несомненная заслуга Петра I заключается в том, что, вопреки собственным амбициям и непредсказуемости, он хорошо понял историческую специфику страны, которую искренне стремился вывести на первое место в Европе. Ограничив самодержавную власть

лишь формальным принципом законности, он все же не отказал России в праве считать себя частью европейского мира. настойчиво убеждая в этом не только западных партнеров, но и своих подданных. Вопрос о том, насколько подобная установка способствовала национальным интересам Русского государства остается открытым и по сей день. Несомненно одно: утверждение собственной идентичности может обернуться ее полной потерей в случае устойчивого внедрения в коллективную историческую память политических мифов, сформированных под влиянием геополитических противоречий Прошлого, которое еще никому не открыло своей истинной сути.

Ключевые слова: историко-правовой миф, «русское варварство», теория естественного права, самодержавная власть

Одним из наиболее распространенных способов формирования коллективной исторической памяти является вечная тяга любого народа к легитимации более или менее эффективной мифологемы, способной утвердить в сознании большинства устойчивое представление об исключительности социокультурного и политико-правового пространства, в границах которого разворачиваются наиболее знаковые события национальной истории. В исторической науке последнего десятилетия справедливо отмечается наличие архетипа «русского варварства», свойственного представлениям образованного европейца XVII – первой половины XIX вв. с его идеализацией гуманистических постулатов теории естественного права. наброски туманных очертаний Восточной Европы на ментальных картах, созданных благодаря научной эрудиции и художественному воображению западноевропейских просветителей, способствовали росту европоцентристских тенденций в оценке историко-культурных возможностей и политического потенциала далекой Москвы. Анонимный германский автор, опубликовавший в 1708 г. введение к описанию геополитического положения сорока стран европейского региона, образно сравнивал Россию с подолом юбки прекрасной девушки Европы, подразумевая окраинное расположение Русской державы на «задворках» цивилизации (1).

«Заданность» европейских предрассудков по отношению к российской истории, которая являлась наиболее репрезентативным объектом ориентального мифа эпохи Просвещения, усугублялась традиционным стремлением «третьего Рима» сохранить выжидательную позицию в отношениях с миром католиков и протестантов. Несколько лет назад, изучая динамику развития антитезы «варварство – цивилизация» в качестве стержневой темы просветительской России? С.А. Мезин обратил внимание на постепенность формирования антирусских стереоти-

пов в политических доктринах XVIII столетия западного происхождения. По мнению ученого, неотъемлемой составной частью интеллектуальной атмосферы «века Просвещения» являлось тщательное моделирование образа «странной Империи», вносящей на европейскую почву путем военной экспансии как скрытые, так и явные формы азиатского варварства, тождественные представлениям Запада о тиранической форме государства (2).

Реконструкция ряда историко-правовых мифов, возникших в рамках политической культуры западноевропейского Просвещения, привела и автора данной статьи к выводу о том, что социокультурная потребность народа в моделировании устойчивых ценностей общенационального характера нередко приводит к сознательной мифологизации образа Другого (3). Возможен и обратный процесс: продуманное искажение реальности, возникшей в результате негативного исторического опыта, способно придать коллективной памяти явно выраженный оттенок саморефлексии, необходимой обществу для постепенного преодоления драматических коллизий между отражением подлинной картины прошлого в подсознании современников того или иного события и его не менее реальными последствиями, принявшими определенную социально-политическую форму. В итоге тенденция к цивилизованному взаимодействию народов блокируется под влиянием взаимного недоверия, либо осложняется самоуверенными рассуждениями о полной идентичности Запада и Востока.

Степень отсутствия «обратной связи» между наиболее тенденциозными проявлениями западноевропейской России и попытками российской просвещенной элиты найти разумную грань между национализмом и космополитизмом еще не стала предметом детального обсуждения в научном сообществе историков. Контурсы западного мира, возникающие в сознании образованного россиянина XVIII в., едва приобщенного к «плодам Просвещения», нередко изобилуют концептуальными противоречиями и диссонансами, связанными с сознанием своей затерянности под небом Европы. В таких случаях на помощь неизбежно приходит потребность в утверждении собственной национальной идентичности, основанной на чувстве патриотической гордости за самобытное историческое наследие минувших эпох. С другой стороны, в русских текстах XVIII столетия настойчиво прослеживается тенденция к вообразаемому преодолению дистанции между Россией и Западом. Подобные настроения проникают не только в произведения, написанные частными лицами, но и на официальный уровень законодательных материалов, дипломатических бумаг, сочинений политико-правового характера. Учитывая тот факт, что соответствующие идеологические конструкции создавались на фоне интенсивного усвоения западноевро-

пейских форм науки и культуры самими же творцами национальной идеи. мы в данном случае сталкиваемся с весьма своеобразными проявлениями семиотики «коллективного бессознательного», которые, очевидно, являются важной составной частью политической культуры любого общества, объединенного на основе ценностного обращения к глубинам исторической памяти.

Одним из наиболее ранних отечественных вариантов противопоставления Запада и России на основе разработки историко-политического мифа общенационального характера является «Рассуждение, какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый Царь и Повелитель Всероссийский... к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел...» (4). Авторство названного трактата научная традиция приписывает как российскому вице-канцлеру и дипломату П.П. Шафирову, так и самому Петру Великому. По новейшим источниковедческим данным, текст «Рассуждения» выдержал три русских издания за период 1717-1722 гг., хронологически совпадая с окончательной победой России в Северной войне и активизацией действий российского флота на Балтике (5).

Содержательная сторона анализируемого произведения уже не раз привлекала внимание исследователей широтой поставленных в нем проблем истории дипломатии и международного права. В историко-юридической науке, благодаря исследованиям В.Э. Грабаря, сложилось устойчивое мнение о том, что шафировский трактат является «первым оригинальным произведением по международному праву на русском языке официального характера», и вполне соответствует по терминологическому аппарату и способам аргументации уровню западноевропейской юриспруденции начала XVIII в. (6). Серьезным противовесом мнению историков-юристов, которые справедливо увидели в сочинении Шафирова призыв к законности в деле реализации «права народов», является утверждение специалистов по источниковедению и истории литературы о доминировании в «Рассуждениях» публицистической ноты, родственной распространенным в западной политической культуре многообразным формам памфлета (7). Тем не менее, оттенок официальности явно присутствует в тексте трактата благодаря ряду обстоятельств. Прежде всего, следует принять во внимание те внешнеполитические условия, влияние которых спровоцировало Петра I и его ближайшее окружение на полемику с ведущими европейскими державами по поводу степени виновности Швеции в затягивании Северной войны. Несомненно, что перспектива повышения международного статуса России после заключения русско-шведского мира сильно беспокоила как ее откровенных противников, так и предполагаемых союзников. Дипломатическая изоляция Швеции, реальность которой стала очевидной после

заключения соглашения между Россией, Францией и Пруссией от 4 августа* 1717 г., не исключала сохранения общевропейской настороженности по отношению к новому восточному партнеру (8). Вестернизация России носила по меркам Европы формальный характер и мало способствовала нивелировке деспотических тенденций в методах осуществления верховной власти. Русские дипломаты, в свою очередь, справедливо опасались негативной реакции европейских держав на территориальные претензии России к ослабленной Швеции, содействуя при этом распространению в правительственных кругах информации о давних исторических корнях шведской агрессии по отношению к исконным российским владениям в Прибалтике. Учитывая прочность взаимного недоверия, русский посол в Лондоне Ф.С. Салтыков настойчиво рекомендовал Петру I еще в 1714 г. обосновать требования Российской короны в специальном манифесте, «перевести его на латинский, французский и немецкий языки и напечатать... для информации всех европейских государств» (9).

Учитывая международную расстановку сил в Европе, Шафиров лишь формально посвятил свой трактат изложению вопроса о сущности международного права в комплексе с историко-правовыми экскурсами в специфику русско-шведских отношений XVI-XVII вв. Смысловая нагрузка «Рассуждения» имеет более широкий контекст. Петровская Россия явно стремилась сформировать антишведские настроения в Европе, обосновывая свою позицию примерами систематического нарушения «Свейской Короною» общепринятых норм ведения войны и дипломатического протокола. Данное обстоятельство предопределило обращение Шафирова к проблемам геополитики. На страницах «Рассуждения» возникает рационалистически сконструированный образ России, способной по своему политическому и культурному потенциалу стать равноправной частью Европы, но, вместо этого, превращенной в объект постоянной враждебности со стороны западного мира. Не последнюю роль в обосновании данного тезиса сыграл сам Петр I, перу которого, по оценкам большинства исследователей трактата, принадлежит заключение и некоторые комментарии к основному тексту «Рассуждения».

Косвенное подтверждение заинтересованности царя в распространении интерпретации российской внешней политики, предложенной Шафировым, содержится в заглавии трактата, где отмечено сочувственное отношение Петра I к отбору «древних и новых Актов», заключенных между Россией и Швецией, произведенному автором «Рассуждения» ради воссоздания «с надлежащей умеренностью» исторической истины (10). Русский царь, несомненно, понимал необходимость созда-

* Даты даны по старому стилю.

ния в глазах европейского общественного мнения репутации образованного и гуманного государя. Об этом свидетельствует содержание написанного Шафировым предисловия к «Рассуждению», где автор провозглашает в качестве своей основной задачи «очищение» от распространенной по Европе шведской клеветы «обрутанной» славы «Его Царского Величества и его оружия». По мнению Шафинова, восстановление доброго имени Петра I должно стать серьезным шагом к приобретению Россией уважения со стороны «всех христианских и политических народов», что, в свою очередь, укрепит верность царю со стороны его собственных подданных (11).

Автор «Рассуждения» безусловно видел важность сочиненного им трактата в его международной направленности. Подчеркивая прагматические цели своего произведения, Шафиров замечает, что многочисленные «Декларации, Манифесты и универсалы письменные», которые русское правительство неоднократно санкционировало в период Северной войны, были сочинены в «кратких определениях» на русском языке без учета необходимости поставить в известность «края Европейские» о стремлении России к проведению своего внешнеполитического курса на основе принципа законности (12).

Достойной внимания является и убежденность Шафинова-дипломата в важности укрепления российских позиций в системе европейских держав за счет выполнения союзнических обязательств по отношению к партнерам по Северному альянсу. Обеспокоенность была, очевидно, вызвана усложнением русско-английских отношений, что было связано с опасением правительства Англия перед возможным столкновением интересов британской короны с имперскими амбициями Петра I в Мекленбурге, Бремене и Вердене. Оставались сложности и в отношениях между Петербургом и Парижем, несмотря на официальное признание за Россией права на самостоятельное участие в большой европейской политике в соответствии с уже упомянутым договором от 4 августа 1717 г. Под влиянием неустойчивости российского внешнеполитического статуса в тексте «Рассуждения» возникает упоминание о тех странах и народах, которые по причине своего географического отдаления «от... обеих северных корон о древних и новых их историях основательного известия не имеют», пребывая в заблуждении, что властолюбие Петра I стало не только причиной унижения Швеции, но и послужило своеобразным рычагом давления на северных союзников России. «Того ради, - заключает Шафиров, - побужден некоторый верной патриот (Отечества сын) из Российского народа для оправдания своего Всемилостивейшего Самодержца... сие рассуждение на свет выдать» (13). Таким образом, утверждение о частном происхождении шафиновского трактата изначально приобрело характер литературного

приема, носившего прозрачную дипломатическую окраску. Создание иллюзии нравственно-политического союза между «правдолюбивым» царем и его подданными, чьи законные интересы он, не покладая рук, защищает от шведских посягательств, должно было продемонстрировать европейскому миру устойчивость самодержавной власти, способной к использованию «христианских методов» для обеспечения внутренней поддержки своему внешнеполитическому курсу. Ссылки Шафиров на волю Петра I, давшего «всемилоостивейшее соизволение» достойно ответить «неправедным» клеветникам, окончательно ставит точку в затянувшемся историографическом споре о степени неофициальности анализируемого произведения.

Отличительной чертой геополитической концепции, выдвинутой творцами «Рассуждения», является стремление показать обоснованность притязаний России на активную роль в решении проблем общеевропейского масштаба. Составляя «Дедикацию», обращенную к малолетнему царевичу Петру Петровичу, еще не способному по причине юного возраста принимать участие в дипломатических проектах, Шафиров сознательно придал своему «приношению» декларативный характер, рассчитанный на образованного европейского читателя. Не жалея красок для создания выразительного образа Петра Великого, автор последовательно отстаивал тезис об отсутствии противоречия между понятиями «самодержавие» и «законность». Перечисляя заслуги Петра I перед Отечеством, Шафиров постоянно обращает внимание на вынужденный характер «Свейской войны», в ходе которой действия русского царя неизбежно отличались умеренностью и «христианским милосердием» в соответствии с нормами права, принятыми «по обычаю» всех европейских народов. Напротив, позиция шведской стороны, изложенная в шафировской интерпретации, характеризуется на всем протяжении военно-дипломатического конфликта «суровостью, не людскостью и досадительством», которые неизбежно вызывают вынужденную ответную жестокость со стороны противника.

Моделируя негативную оценку шведской внешней политики, Шафиров не забывал об осторожности, подчеркивая, что собирает доказательства агрессии Швеции ради истины, а не «по пристрастию и по злобе к Шведскому народу». Описывая противоречия между двумя «северными Королями», автор «Рассуждения» отнюдь не собирался вычерчивать воображаемую, но непреодолимую границу между Россией и Европой. Наоборот, заведомо тенденциозное утверждение о шведской «дикости» позволяло продемонстрировать примеры политической толерантности русского царя, достойного по своим личным и деловым качествам войти в семью европейских государей (14).

Обращаясь к «наследному Всероссийскому Царевичу», Шафиров неоднократно подчеркивает великие государственные достижения его «Пресветлейшего Отца и Государя», осуществленные благодаря природным дарованиям, трудолюбию и «высокому разуму» Петра Великого (15). Сравнивая русского царя с европейскими монархами, автор «Рассуждения» приходит к выводу о явном политическом превосходстве своего венценосного покровителя. К числу его несомненных преимуществ Шафиров относит, прежде всего, склонность к наукам, «искусство в политических делах», воинскую доблесть и стремление к заимствованию «обычаев чужестранных». Доказывая подготовленность петровской России к интеграции в европейскую цивилизацию, он подчеркивает тягу своего государя к прославлению Отечества, сформированную в душе Петра I вопреки превратностям его судьбы на заре юности в период соперничества за власть с Милославскими. По словам Шафинова, «...Его Величество все... преодолел... неизреченною ко всем высоким делам и новостям полезным охотою». Сила воли Петра оказалась столь непоколебимой, что он «в краткое время превзошел... многих Монархов Европейских, которые от юности своей от родителей... понуждаются, и чрез многих учителей и наставников обучаются» (16).

Образ Петра I, возникающий под пером Шафинова, наделен всеми атрибутами, необходимыми для формирования модели идеального государя-демиурга западноевропейского типа. «Его Величество, - восклицает автор «Рассуждения», - толь многие славные дела не токмо начал, но и... в действо произвел, и народ свой, который... до его Государствования не был искусен, не токмо обучил, но и прославил» (17). В качестве основного результата петровской политики Шафиров указывает возникновение необратимой тенденции к европеизации России и русских, соединенной с уважением и страхом по отношению к новой великой державе даже в самых «отдаленных краях Европейских». Он откровенно восхищен размахом и мощностью внешней политики Петра Великого, уверенно использующего свои дипломатические и военные таланты для активного участия в делах Европы. «до войны и миру принадлежащих». Шафиров весьма сочувственно описывает стремление Петра I добиться ведущей роли в системе европейских держав, равнозначной признанию права России на принадлежность к западной цивилизации. Необходимость данного шага он объясняет не преимуществами Запада, а политической невыгодностью российской оторванности от мира Европы. По словам Шафинова, традиционная «закрытость» Русского государства не оправдала себя, заставив «*другие* (выделено мной. - Е.С.) европейские государства рассуждать о Российском народе... как о Индийских и Персидских народах, которые с Европою кроме некоторого купечества, никакого сообщения не имеют» (18). В итоге, западнические приоритеты

Петра I приобрели в «Рассуждении» ярко выраженный прагматизм: по мнению Шафирова, победа над клеветниками-шведами откроет перед Россией блестящие политические перспективы на Западе в силу ее «природной близости к европейской цивилизации. Описывая отношения русского царя с западными политиками, он особо подчеркивает тот факт, что ослабление военного искусства шведов стало самым значительным последствием петровских преобразований, открыв перед Россией широкие возможности для защиты своих внешнеполитических интересов в масштабах Европы. Перевес, достигнутый русскими в ходе Северной войны, заставил европейских монархов искать союза с Петром I, избегая открытых конфликтов как военного, так и дипломатического характера.

Текст «Дедикации» явно рассчитан на формирование благоприятного отношения общественного мнения в странах Европы к самодержавной форме правления, которая нередко воспринималась западной элитой как аналог азиатской деспотии. Не случайно, панегирик, сочиненный Шафировым в честь русского царя, содержит много примеров просвещенности Петра I и свойственной ему заботы о благе подданных. По словам автора «Рассуждения», европейские монархи не способны выдержать сравнение с блистательным Петром Алексеевичем, образ которого аккумулирует в себе все лучшие качества, присущие носителю западной цивилизации. Шафиров открыто заявляет о феноменальной гениальности своего государя, дарования которого не имеют себе равных во всемирной истории. Царь не только продемонстрировал всему европейскому миру искусство в политических делах, но и малоталантливых «подданных своих... привел в такое состояние, что могут равняться с министрами других европейских народов» (19). Он же, показав себя отважным и рассудительным полководцем, обучил народ правилам «регулярного воинства», укрепив репутацию российской армии так, что «ныне между лучших войск в Европе почитаются». Обращаясь к реформаторской деятельности Петра I, Шафиров сознательно обратил внимание читателя на ее международный аспект. Например, реконструкция военной системы государства позволила царю не только успешно разрешить русско-шведские противоречия, но и организовать «оборону приятелей и союзников Его Величества». Особое восхищение у Шафирова вызвали мероприятия Петра I, направленные на создание «преизрядного флота», превзошедшего европейские флотилии если не по численности, «то однако ж в пропорции, красоте и удобном хождении» (20). Нарисованный в «Дедикации» образ русского царя, командующего на Балтике объединенными военными кораблями Англии, Дании и Голландии под «российским штандартом» можно оценивать как своеобразную кульминацию описания «славных дел» Петра, который щедро де-

лится своими талантами как с подданными, так и с дружественными государствами Европы.

Существовала и еще одна сторона петровских преобразований, мимо которой не мог пройти Шафиров, доказывая справедливость притязаний России на ведущую роль в западном мире. Международная репутация Русского государства во многом зависела от степени соответствия ее системы власти и управления европейским формам, далеким от традиционного старомосковского самодержавия. Судя по составу библиотеки Шафирова, где находились сочинения Г. Гроция, С. Пуфендорфа и других европейских правоведов XVII – начала XVIII вв., автор «Рассуждения» хорошо понимал сущность западных представлений о естественных правах личности. Именно поэтому в «Дедикации» появляется цитата из известного латинского изречения о «молчании» гражданских свобод «под звоном оружия» (21). В государстве, где все подчинено задаче реализации «общего блага», обычно нет места доминированию частных интересов над обязанностями подданных перед верховной властью. Тем не менее, Петр I и в этом случае оказался на высоте по сравнению с монархами прошлого и настоящего: «Сиречь во время войны мало о гражданских распорядках... возможно попечения иметь, однако ж Его Величество... не оставил... и в том попечения своего». Крайне пространно и выразительно Шафиров пишет о стремлении царя приобщить широкие слои населения к европейским наукам и искусствам, постепенно преодолевая замкнутость традиционной православной культуры. По мнению автора, несомненная заслуга Петра I заключается в распространении древних и новых европейских языков среди лиц высшего сословия, что прежде осуждалось как пренебрежение национальными ценностями и более ставилось «в зазор», нежели почиталось за искусство. Упоминает Шафиров и о книгоиздательской политике царя, направленной на образование подданных в духе европейских достижений в сфере истории, политических наук, военного дела, градостроительства и «других хитростей». Не забыл автор «Рассуждения» и о том, что особая забота Петра I состоит в «учреждении порядочного купечества, способного взять на себя миссию представительства экономических интересов России за рубежом, обеспечивая при этом финансовые выгоды как собственного Отечества, так и постоянных торговых партнеров. Центральное же звено общегражданского курса, проводимого Петром I внутри страны, Шафиров увидел в создании коллегий, проведенном «по образу и прикладу других политизированных [или правильно расположенных] государств» европейского уровня к «облегчению» тягот «верных подданных» русского царя. Конечный итог политических инициатив Петра сводится, таким образом, к укреплению национальной идентичности страны и народа, тождественной, в трактовке Шафирова,

западным ценностям, но, по капризу истории, выявленной лишь благодаря абсолютному гению и прозорливости «лучшего» из европейских государей (22).

Несколько иная геополитическая парадигма, разработанная по оси Европа – Россия излагается на заключительных страницах «Рассуждения». Судя по стиливым особенностям и лексике данного текста, итоговое обращение к читателю принадлежит другому автору, в качестве которого большинство исследователей склонно видеть самого Петра Великого. Лейтмотивом заключения, несомненно, является тезис о предвзятости европейского общественного мнения в оценке военных успехов и политических перспектив Российской державы. Петр I много рассуждает о недоброжелателях России, сравнивая их с алчными разбойниками, способными ради удовольствия лишиться жизни хозяина дома, добровольно отдавшего им свои сокровища. Истоки «злости и зависти» европейских противников России царь предлагает искать в стремительном возвышении своего Отечества, достигнутого перевесом сил в Северной войне. Приводя аргументы в пользу продолжения русско-шведского конфликта до полного отказа Швеции от территориальных притязаний на Прибалтику, царь постоянно обращается для подкрепления своей позиции к богословским и политико-правовым аллюзиям, привычным для европейского читателя. Так, рассуждая о причинах предвзятости по отношению к России со стороны тех держав, которые плохо осведомлены о сущности антирусской позиции шведов, Петр I ссылается на язвительное изречение, обращенное святым Никодимом к фарисеям, клеветующим на Христа в силу непонимания ими божественного закона: «...надлежит прежде ведать и потом рассуждать». В тексте заключения упомянут и «славный историк Пуфендорф», к авторитету которого Петр I апеллирует, желая показать разницу между прежними временами, когда «Шведы... нас... за слепых имели», и новой расстановкой общевропейских сил, возникшей после разрушения военного приоритета «Свейской Короны» в сражении «под Полтавою» (23).

С другой стороны, заключение, написанное Петром I, отличается крайне скептическим отношением к западноевропейскому миру, пронизанному враждебностью и подозрительностью по отношению к России. Царь, воодушевленный сознанием собственного превосходства «в воинских и морских делах», совершенно не стремится доказать Европе право своей страны на социально-культурную идентичность западного типа. Наоборот, в тексте «Обращения к читателю» намеренно создается риторический эффект цивилизационной удаленности России при явной гордости этим обстоятельством. Петр I приводит немало исторических примеров, указывающих на противодействие европейских стран политическим и торговым успехам Русского государства. Он, например, от-

крыто заявляет о том, что «не токмо одни Шведы, но и другие и отдаленные народы. всегда имели ревность и ненависть на народ Российский, и тщились оной содержать в прежнем не искусстве». Опираясь на факты дипломатических и военных конфликтов российских государей XVI-XVII вв. с державами Северной Европы. Петр I уделит особое внимание противодействию городов Ганзейского союза и Ливонии стремлению России открыть собственную навигацию на Балтийском море. Рассуждая о замысле северогерманского купечества изолировать русскую Нарву и Иван-город от внешней торговли, царь опирается на данные европейских историков «Августа Туана, да Иоанна Лонценция», согласно которым с 1533 г. все «поморские города» запретили «немецким людям», переселившимся в Русскую Прибалтику, обучать россиян морскому делу, «воинским регулам, и пушечному художеству». «Ибо, – заключает Петр, – так рассуждали иноземцы», что Россия как самая большая северная держава, «есть ли себе флот постройт, ... то не токмо в Ливонию, но и во всю Германию с войсками своими пройдет». В тексте заключения не забыты и образные примеры, связанные с проблемой взаимозависимости русско-европейских торговых связей. Петр I даже сделал подробную выписку из «Истории» Августа Туана, где рассказан эпизод, посвященный разбору конфликта между купцами города Любека и Шведским королевством, который произошел накануне Ливонской войны из-за недовольства шведов разрешением «Цесаря Фердинанда» возобновить торговые поездки любечан в Нарву. Купцы же, воспользовавшись открытой для них возможностью, стали сбывать среди прочих товаров «серу, железо... свинец» и другие виды стратегического сырья. Не забыв выразить благодарность Вене за содействие интересам Русского государства, автор заключения все же отдает приоритет критике шведской политики, направленной на систематическое нарушение норм международного права с целью найти повод для углубления конфликта с Россией. По словам Петра I, ослабление Российской короны в Ливонской войне способствовало выработке долговременной антирусской стратегии во внешней политике Швеции, направленной на блокирование любой возможности реализовать русские интересы в Прибалтике и заставить другие «иностранные области» «весьма купечество у России пресечь» (24).

Обращение Петра I к данным русской разведки, свидетельствам жителей захваченных им городов Лифляндии и Эстляндии, а также ссылки на показания военнопленных, отражают, прежде всего, тенденцию к мифологизации предыстории Северной войны. Сущность данной мифологемы заключается в разработке официальной политической доктрины, направленной на формирование образа «западного врага», который препятствует России обрести свою истинную национальную при-

роду, восстановив исконную социокультурную идентичность с европейской цивилизацией. Делая тщательные выписки из произведений западных историков, Петр I обратил особое внимание на те сведения, которые позволяли в наиболее выгодном свете показать русскую дипломатическую практику московских государей, построенную на соблюдении «права народов» не только из практических соображений, но и благодаря внутреннему нравственному чувству. Именно так поступает, например, царь Иоанн Васильевич IV, когда отказывает в покровительстве кушмам города Любека, сославшись на «мир с Королем Шведским», условия которого не позволяют ему дать вооруженную охрану германским торговым судам, отплывающим из Нарвы. Вместо благодарности Швеция, пользуясь военной слабостью России, активизирует политическое давление на потенциальных торговых партнеров Русской державы, постоянно добываясь от Голландии и Англии блокирования торговых отношений с «москвитами». Немало подобных примеров, собранных Шафировым, содержится и в основном тексте «Рассуждения», посвященном изучению проблемы русско-шведских отношений накануне и в период Северной войны (25).

Моделирование политического дискурса, направленного на переоценку цивилизационного потенциала России в европейском мире, открывало перед официальным Петербургом широкую возможность комбинирования как военных, так и дипломатических средств давления на западных партнеров в случае их несогласия с внешнеполитическими притязаниями своего нового союзника. Опасаясь негативной реакции европейских стран на укрепление «Российской славы», Петр I стремился вызвать у западных монархов не только убежденность в необратимости процесса русской вестернизации, но и страх перед возможным военным лидерством Петербурга в системе великих держав. «Могу сказать, – горделиво заметил царь по поводу дальнейшей судьбы русско-шведских отношений, – что никого так не боятся, как нас». Тем не менее, столь стремительное возвышение России на международной арене не должно внушать чувство самоуспокоенности ее политикам, «в такую высокую степень возшедшим» (26).

Ключевой идеей текста, составленного Петром I, является утверждение о необходимости продолжения войны до полного отказа Швеции от притязаний на земли Прибалтики. Информирова западного читателя о принятом им высочайшем решении, царь настаивает на вынужденном характере данной меры, направленной на укрепление безопасности западных российских границ, уязвимость которых сделает бесполезными все бедствия, перенесенные русским народом.

По мнению Петра, только сильное государство может сыграть роль равноправного союзника европейских держав, вызывая у западных

политиков не столько дух доброжелательства, сколько чувство постоянной военной опасности. Доктрина русско-европейского альянса, предложенная царем, построена таким образом, на идее создания своеобразного «западного» барьера, блокирующего любые инициативы «клеветников и завистников», направленные на ослабление России. Петр намеренно подводит читателя к мысли о том, что интеграция России в Европу необходима, прежде всего, западному миру. Вынужденная приостановить свои «злыхитрые коварства», европейская цивилизация избавит себя от необходимости постоянного опасения за свою судьбу в случае открытого военного столкновения с русскими, вполне возможно по причине «природной» враждебности союзников Швеции к российским интересам. На заключительных страницах «Рассуждения» прямо говорится о необходимости создать такую расстановку международных сил, при которой западные державы станут «нас боятца». В противном случае недоброжелатели России «будут искать того, чтоб так нас разорить, чтоб... впредь... всегда б так над нами быть». Допустив такое соотношение сторон в большой европейской политике, заключает Петр I, «тако бы мы сами себе враги и разорители были» (27). Тем самым, национальное будущее России должно быть поставлено в зависимость от степени ее европеизации и места, занятого в союзе великих держав как по праву своей цивилизационной природы, так и по «праву народов». Именно данная особенность внешнеполитической доктрины, разработанной Петром I и его ближайшими сподвижниками, была замечена Н.М. Карамзиным, который видел ошибку царя-преобразователя в увлеченности космополитизмом, в результате чего «общечеловеческое» надолго получило в России приоритет над идеалом национальной самобытности (28).

Авторы «Рассуждения», очевидно, все же придерживались иной точки зрения. Относя русский народ к числу «христианских и политических» людей, живущих в соответствии с нормами права и принципом законности, они не были склонны к бездумному преклонению перед носителями европейской цивилизации, подчеркивая, что далеко не все население Европы достойно принадлежности к западному миру по своим нравственно-политическим качествам. Ни Шафиров, ни, тем более, Петр I, не стремились к проведению резкой границы между национальной идентичностью и общечеловеческим началом по отношению к народам, составляющим единую цивилизационную общность. Стертость дефиниций, обозначающих данное понятие, носит в тексте «Рассуждения» преднамеренный характер, связанный с осознанием факта неопределенности статуса России в международном сообществе.

Тяга Петра к повышению роли Русской державы в европейском мире способствовала организации широкой книгоиздательской деятель-

ности, в ходе которой текст «Рассуждения» был опубликован не только на русском, но и на некоторых европейских языках. Самый массовый характер носило третье российское издание книга Шафировва, выпущенное сразу же после заключения Ништадского мира тиражом в 20 тыс. экземпляров и не распроданное даже к середине XIX в. По данным современного американского исследователя У.Э. Батлера, не получили широкого распространения и переводы «Рассуждения» на немецкий и английский языки, изданные за границей по инициативе русского правительства (29). Быстрое превращение иноязычных экземпляров в библиографическую редкость объяснялось, скорее всего, тем, что небольшие тиражи были рассчитаны на элитарные круги европейских интеллектуалов, способные оказать влияние на формирование внешнеполитического курса по отношению к России. В связи с указанным обстоятельством в иноязычных экземплярах «Рассуждения» содержатся существенные отступления от оригинала. Так, например, в источниковедческих исследованиях отмечается факт отсутствия дословного перевода, характерный для немецкого издания, допущенный, скорее всего, из соображений политической толерантности по отношению к западноевропейским партнерам (30).

Та же особенность встречается и в английском переводе «Рассуждений», напечатанном в 1722 г. с целью смягчения про-шведских настроений в британском обществе. В данном тексте полностью отсутствует «Дедикация», утверждающая несомненное превосходство Петра Великого над всеми европейскими монархами. Анонимный переводчик ограничился лишь перечислением «справедливых, веских и законных причин, как древних, так и новых, по которым Его Царское Величество, как христианский монарх и истинный Отец Отечества, не только был обязан, но и неизбежно вынужден начать... войну против Шведской Короны» (Перевод мой – Е.С.). Называя Шведское королевство «застарелым, постоянным и неумолимым врагом Короны Российской», автор английского перевода сознательно акцентирует внимание читателя на виновности Карла XII в неоправданном затягивании военных действий, пролитии огромного количества человеческой крови и «разорении столь же большого числа земель» (31).

Проанализированный сюжет не исчерпывает полностью проблему формирования политико-правового мифа о русской «военной угрозе», внедренной в сознание европейцев самими же сторонниками вестернизации России. Те же истоки имеет и давняя традиция создания образа «западного врага», которая с начала XVIII в. полностью утрачивает религиозный оттенок, приобретая взамен рационалистическую окраску в духе столь почитаемого Петром Великим протестантского прагматизма, призванного обосновать «полезность» правительственных

инициатив, направленных на закрепление постоянного статуса России в системе ведущих европейских держав. Разговоры о «русскости» превратились для официального Петербурга в повод продемонстрировать всему западному миру готовность нового имперского государства потеснить в мировом рейтинге те страны, которые, в силу собственных геополитических интересов, утрачивали в глазах россиян образ идеального архетипа, соответствующего книжным представлениям столичной российской элиты о сущности политико-правовых ценностей европейской цивилизации. Вопрос о социокультурных аспектах национальной идентичности был переведен в идеологическую плоскость, а космополитические тенденции петровской эпохи быстро приобрели характер военно-дипломатической игры по новым правилам, отражающим динамику растущего соперничества Российской империи с ее новыми партнерами по большой европейской политике.

Реваншистские настроения правящих кругов России первой четверти XVIII в. во многом объясняются разочарованностью Петра I и его сподвижников в более чем скромных геополитических результатах длительной изоляции средневековой Руси от Европы, осуществленной в рамках концепта религиозно-национальной самобытности «третьего Рима». Это хорошо прослеживается и в законодательных материалах петровской эпохи. Тезис о предвзятости «иностранных народов», которые постоянно стремятся к ослаблению России, опасаясь «силы и славы» её государей является центральной частью пресамбул многих нормативных актов Петра Великого, направленных на регулирование порядка военно-морской службы, системы управления землями Прибалтики и закрепления правового статуса «приезжих иноземцев». Ту же цель преследовало, очевидно, и распоряжение Петра I о публикации 20-тысячного тиража «Рассуждения» для распространения по всем уездам и провинциям, вызывающее сегодня искреннее недоумение отдельных зарубежных исследователей (32).

Официальная внешнеполитическая доктрина Петербурга, разработанная при непосредственном участии Петра I, на длительное время предопределила не только действия дипломатического корпуса, но и стойкое недоверие к западному миру в массовом сознании россиян, несмотря на увлеченность значительной части русского общества как внешними формами европейской культуры, так и ее богатейшим духовным наследием. Поиск национальной самоидентичности всегда соединен с опасностью перерастания данной тенденции в национализм самого вульгарного толка, которая возрастает прямо пропорционально интеграционным процессам, идущим в современном мире. Для России обозначенная проблема приобретает особую остроту не только в связи с ее многонациональным составом, но и благодаря традиционной обра-

шенности российских геополитических интересов как на Запад, так и в сторону Востока в силу «пограничного» характера ее цивилизации. Несомненная заслуга Петра I заключается в том, что, вопреки собственным амбициям и непредсказуемости, он хорошо понял историческую специфику страны, которую искренне стремился вывести на первое место в Европе. Ограничив самодержавную власть лишь формальным принципом законности, он все же не отказал России в праве считать себя частью европейского мира, настойчиво убеждая в этом не только западных партнеров, но и своих подданных. Вопрос о том, насколько подобная установка способствовала национальным интересам Русского государства остается открытым и по сей день. Несомненно одно: утверждение собственной идентичности может обернуться ее полной потерей в случае устойчивого внедрения в коллективную историческую память политических мифов, сформированных под влиянием геополитических противоречий Прошлого, которое еще никому не открыло своей истинной сути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно об истории данной публикации см.: Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С.20-21.
2. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII в. // Вопросы истории. 2002. №10. С.18-157.
3. Соколова Е.С. Образ «другого» в ментальных картах европейского Просвещения: политико-правовой аспект “Historia Rossica” // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макроисторической перспективе. Вопросы всеобщей истории. Вып. 8. Екатеринбург, 2006. С.86-97.
4. Приведенное название трактата является сокращенным и сформулировано В.А.Томсиновым на основе его полного наименования в процессе подготовки научной публикации. См.: Томсинов В.А. Предисловие // Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. М., 2008. С.VII-VIII.
5. О проблеме авторства см.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т.1. С.325-328; Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т.1. С.393; Фейгина С.А. Аландский конгресс. М., 1959. С.21-85; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1988. С.6. О необходимости уточнения количества изданий трактата при жизни Петра I см.: Батлер

- У.Э. Вклад П.П.Шафировова в науку международного права // Шафиров П.П. Указ. соч. С.XLII-XLVI.
6. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М., 2005. С.88-89; Он же. Первая русская книга по международному праву // Вестник Московского университета. 1950. №7. С.101-110.
7. Пештич С.Л. Русская историография XVIII столетия. Л., 1961. Т.1. С.138-139.
8. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С.340-376.
9. Павлов-Сильванский Н.М. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. Т.2. С.6.
10. Шафиров П.П. Указ. соч. С.1.
11. Там же. С.3.
12. Там же.
13. Там же. С.3-4.
14. Там же. С.4.
15. Там же. С.5.
16. Там же. С.7.
17. Там же. С.6.
18. Там же.
19. Там же. С.7.
20. Там же. С. 6-7.
21. Пекарский П.П. Указ. соч. Т.1. С.48; Луппов С.А. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С.227-229. Анализ неопубликованной описи шафировского собрания книг см.: Батлер У.Э. Указ. соч. С.XXXVII-XXXVIII; Шафиров П.П. Указ. соч. С.9.
22. Шафиров П.П. Указ. соч. С.8-9.
23. Там же. С.75.
24. Там же. С.75-78. Более подробно о европейских источниках, которые были использованы Петром I при работе над заключением к трактату см.: Батлер У.Э. Указ. соч. С. XLII.
25. Шафиров П.П. Указ. соч. С.76-78.
26. Там же. С.78.
27. Там же. С.79.
28. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С.35.
29. Гаврилов А.В. Очерки истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. СПб., 1911. Т.1. С.147-148; Батлер У.Э. Указ. соч. С.XLIII-XLV.
30. Черепнин А.В. Русская историография до XIX в. М., 1957. С.148; Батлер У.Э. Указ. соч. С.XLV.

31. Shafirov P.P. A Discourse concerning the causes of the war between Russia and Sveden // Шафиров П.П. Указ. соч. С.127-129.

32. См., например: Манифест о вызове иностранцев в Россию 16 апреля 1702 года // Законодательство Петра I. М., 1997. С.535-537; Универсал, данный Эстляндскому княжеству и в особенности городу Ревелю августа 16 дня 1710 года // Там же. С.232-240. С.498; Устав морской 13 января 1720 года. Предисловие к доброхотному читателю // Там же. С.232-240.

E.S. Sokolova

The associate professor of history of state and law of the Ural state legal academy, the candidate of jurisprudence, the associate professor.

THE HISTORICAL AND LEGAL MYTH ABOUT "THE WESTERN AGGRESSION" AS THE COMPONENT OF THE RUSSIAN FOREIGN POLICY DOCTRINE of the 1st quarter of the XVIII century.

One of the most widespread ways of formation of collective historical memory is eternal thirst of any people for legitimation of more or less effective mytheme, capable to approve steady idea of exclusiveness of sociocultural and political and legal space in which borders the most sign events of national history are developed in consciousness of the majority. In historical science of the last decade archetype existence "the Russian barbarity", the educated European peculiar to representations of XVII – the first half of the XIX centuries with his idealization of humanistic postulates of the theory of the natural right is fairly noted. Peter I undoubted merit is that, contrary to own ambitions and unpredictability, he well understood historical specifics of the country which sincerely I sought to bring to the first place in Europe. Having limited the autocratic power to only formal principle of legality, it nevertheless didn't refuse to Russia the right to consider itself by part of the European world, persistently convincing of it not only the western partners, but also the citizens. Question of that, how similar installation I promoted national interests of the Russian state remains open and to this day. One is undoubted: the statement of own identity can turn back its total loss in case of steady introduction in collective historical memory of the political myths

created under the influence of geopolitical contradictions of the Past which else opened to nobody the true essence.

Key words: historical and legal myth, "the Russian barbarity", theory of the natural right, autocratic power

С. С. Беляков

Старший преподаватель кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), кандидат исторических наук.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИИ ХОРВАТСКОГО
ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА:
конец 50-х – начало 80-х гг. XIX в.**

В последней трети XVIII – начале XIX вв. начинается процесс складывания национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы, являвшийся, в свою очередь, одним из показателей формирования современных наций. Этот процесс получил название «национального Возрождения». Именно в русле этого процесса произошло зарождение и развитие хорватского этнического национализма. Рост популярности националистической партии, конечной целью которой являлось создание независимого хорватского государства, являлся свидетельством стремительного роста национального самосознания хорватов. Сама деятельность правашей, формирование ими идеологии хорватского этнического национализма, их усилия по распространению своих идей в хорватской этнической среде свидетельствовали о переходе процесса становления хорватской нации на новую, более высокую, по сравнению с иллирийским периодом, стадию.

Ключевые слова: национализм, Хорватия, национальное Возрождение, нация

В последней трети XVIII – начале XIX вв. начинается процесс складывания национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы, являвшийся, в свою очередь, одним из показателей формирования современных наций. Этот процесс получил название «национального Возрождения» (1). Именно в русле этого процесса произошло зарождение и развитие хорватского этнического национализма.